

Гилберт Кийт Честертон (Gilbert Keith Chesterton)

О чтении

Главная польза от чтения великих писателей не имеет отношения к литературе, она не связана ни с великолепием стиля, ни даже с воспитанием наших чувств. Читать хорошие книги полезно потому, что они не дают нам стать «истинно современными людьми».

Становясь «современными», мы приковываем себя к последнему предрассудку; так, потратив последние деньги на модную шляпу, мы обрекаем себя на старомодность. Дорога столетий усеяна трупами «истинно современных людей». А литература — вечная, классическая литература — непрерывно напоминает нам о немодных истинах, уравнивающих те новые взгляды, которым мы могли бы поддаться.

Время от времени (особенно в беспокойные эпохи вроде нашей) на свете появляются особые веяния. В старину их звали ересями, теперь зовут идеями. Иногда они хоть чем-нибудь полезны, иногда целиком и полностью вредны. Но всегда они сводятся к одной правде или, точнее, полуправде. Так, можно стремиться к простой жизни, но не стоит забывать ради нее о радости или о вежливости.

Еретики (или фанатики) не те, кто любит истину слишком сильно, истину нельзя любить слишком сильно. Еретик тот, кто любит свою истину больше, чем Истину. Он предпочитает полуправду, которую отыскал сам, правде, которую отыскали люди, он ни за что не хочет понять, что его драгоценный парадокс связан с дюжинами общих мест и только все они, вместе, составляют мудрость мира.

Иногда такие люди суровы и просты, как Толстой, иногда по-женски болтливы и чувствительны, как Ницше; иногда умны, находчивы и отважны, как Шоу. Они всегда возбуждают интерес и нередко находят последователей. Но всегда и всюду в их успех вкрадывается одна и та же ошибка. Все думают, что они открыли что-то новое. На самом же деле нова не сама идея, а полное отсутствие других, уравнивающих ее идей.

Очень может быть, что ту же самую мысль мы найдем во всех великих, классических книгах от Гомера и Вергилия до Филдинга и Диккенса, только там она — на своем месте, другие мысли дополняют ее, а иногда опровергают. Великие писатели не отдали должного нашим модным поветриям не потому, что до них не додумались, а потому, что додумались и до них, и до всех ответов на них.

Если это еще неясно, приведу два примера. Оба они связаны с тем, что модно сейчас и в ходу среди смелых, современных людей. Всякий знает, что Ницше проповедовал учение, которое и сам он, и все его последователи считали истинным переворотом. Он утверждал, что привычная мораль альтруизма выдумана слабыми, чтобы помешать сильным взять над ними власть.

Не все современные люди соглашались с этим, но все считают, что это ново и неслыханно. Никто не сомневается, что великие писатели прошлого — скажем, Шекспир — не исповедовали этой веры потому, что до нее не додумались. Но откройте последний акт «Ричарда III», и вы найдете не только все ницшеанство — вы найдете и самые термины Ницше. Ричард-горбун говорит вельможам:

*Что совесть? Измышление слабых духом,
Чтоб сильных обуздать и обессилить.*

Шекспир не только додумался до ницшеанского права сильных — он знал ему цену и место. А место ему — в устах полоумного калеки накануне поражения. Ненавидеть слабых может только угрюмый, тщеславный и очень больной человек — такой, как Ричард или Ницше. Да, не надо думать, что старые классики не видели новых идей. Они видели их; Шекспир видел ницшеанство, он видел его насквозь.

Приведу другой пример. Бернард Шоу в своей блистательной и честной пьесе «Майор Барбара» бросает в лицо прописной морали один из самых яростных вызовов. Мы говорим: «Бедность не порок». Нет, отвечает Шоу, бедность — порок, мать всех пороков. Преступно оставаться бедным, если можешь взбунтоваться и стать богатым. Тот, кто беден, — малодушен, угодлив или подл.

По некоторым признакам и Шоу, и многие его поклонники отводят этой идее большую роль. И как обычно, нова эта роль, а не идея. Еще Бекки Шарп говорила, что нетрудно быть хорошей на 1000 фунтов в год и очень трудно — на 100 фунтов. Как и в предыдущем случае, Теккерей не только знал такой взгляд — он знал ему цену. Он знал, что это придет в голову умному и довольно искреннему человеку, абсолютно не подозревающему обо всем том, ради чего стоит жить.

Цинизм Бекки, уравновешенный леди Джейн и Доббином, по-своему остроумен и поверхностно правдив. Цинизм Андершафта и Шоу, провозглашенный со всей серьезностью проповеди, просто неверен. Просто неверно, что очень бедные люди подлее или угодливее богатых. Полуправда остроумной Бекки стала сперва причудой, потом поветрием и наконец — ложью.

И в первом и во втором случае можно сделать один и тот же вывод. То, что мы зовем «новыми идеями», чаще всего — осколки старых. Не надо думать, что та или иная мысль не приходила великим в голову: она приходила, и находила там много лучших мыслей, готовых выбить из нее дурь.

* * * * *

Данный текст воспроизведён по изданию: Честертон Г. К., Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе / Пер. с англ.; Сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. — СПб.: Амфора, 2000.

В бумажном издании этому тексту соответствуют страницы 440–442.

Материал взят с сайта <http://www.chesterton.ru/essays/0008.html>